

КОНТРРАЗВЕДКА. РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

ДЕЛО БЕГЛЕЦА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — Павел Магась

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Дело беглеца / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-188666-0

1982 год. Советские ученые разрабатывают новейшую боевую огнеметную систему. Западным спецслужбам удастся завербовать одного из участников проекта — ученого Алексея Поплавского. Об этом становится известно КГБ. Почуввав опасность, предатель уезжает на симпозиум в ФРГ и остается за границей. На поиски беглеца отправляется группа майора Михаила Кольцова. Внезапно оказывается, что явочные квартиры на той стороне провалены. Оперативники попадают в тяжелый переплет, выйти из которого и успешно выполнить задание можно только благодаря нестандартному решению...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188666-0

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Голос Игоря Кириллова — диктора Центрального телевидения — звучал торжественно и драматично.

— Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет министров СССР с глубокой скорбью извещают, что десятого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года в восемь часов тридцать минут утра...

Михаил потянулся, убавил громкость. Созрели товарищи. Машинально глянул на часы: одиннадцать утра. Новость не такая уж последняя — сотрудников комитета оповестили еще вчера.

— ...скоропостижно скончался Генеральный секретарь Центрального комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР...

«А еще Председатель Совета обороны», — мысленно добавил Кольцов.

— ...Леонид Ильич Брежнев, — закончил фразу человек в телевизоре. — Имя Леонида Ильича

Брежнев, верного продолжателя великого ленинского дела, пламенного борца за мир и идеи коммунизма, будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества...

Дальше Кольцов не слушал — речь закончилась, пошла проникновенная траурная музыка. Он полностью убрал звук, откинулся на спинку гостиничного кресла. Странно, этот человек оказался невечным — вопреки анекдотичным прогнозам. Но иронизировать не хотелось. Царствие небесное Леониду Ильичу. Хорошо пожил и другим дал пожить (не всем, к сожалению). Страна худо-бедно развивалась, народ не трогали, вот только в последние годы в Советском Союзе что-то стало буксовать, пошло не так, остановилось поступательное движение. Тот же проклятый дефицит, наблюдавшийся повсеместно, кумовство, лизоблюдство, коррупция... Почти сутки новость берегли, не решались. Десятое число было вчера. Но и там дело темное. В 8.30 смерть, возможно, и зафиксировали, но скончался Леонид Ильич еще ночью — процесс отхода в мир иной никто не контролировал. Поужинал в кругу семьи на государственной даче в Заречье-6, лег спать. Вел себя как всегда. Скончался во сне — тихо-мирно. Болезням генсека было несть числа. Подозревали эмфизему, лейкемию, подагру, онкологию челюсти. Сердце — отдельная грустная

история. Несколько лет назад Леониду Ильичу поставили кардиостимулятор. Возможно, перенес инсульт — с чем еще связана невнятная речь с трибун? Из-за плохого самочувствия часто пропускал официальные мероприятия. В марте текущего года во время посещения завода в Ташкенте на голову Брежнева рухнула балка — тоже не прибавив здоровья. Болевой шок, перелом ключицы, ребер, кровоизлияние в печень... Постоянные боли, остаток жизни — на таблетках. Но странно, четыре дня назад на трибуне Мавзолея во время празднования очередной годовщины Октября он выглядел нормально, даже что-то говорил, приветствовал собравшихся...

Михаил выключил телевизор, снова глянул на часы. Некогда скорбеть и размышлять о грядущих переделах — есть дела поважнее. Но мысли разбегались. Почему в роковую ночь в доме не оказалось личного врача генсека Колесова? Он всегда находился рядом. «Утренние реанимационные процедуры» проводил охранник — делал искусственное дыхание, массировал сердце. Парень молодец, но зря старался. Подопечный был уже мертв. По звонку прибыл лечащий врач Чазов, подтянулись Андропов, министр обороны Устинов, министр иностранных дел Громыко. О чем говорили над телом усопшего? Шок, растерянность — это понятно. Но они не могли не

видеть открывающиеся горизонты — пусть даже туманные...

Он вышел из оцепенения, огляделся. Номер гостиницы в Зеленограде, мягко говоря, не апартаменты шейха. Но жить можно, чисто — персонал, пусть не очень охотно, но прибирал. Половицы не скрипели, шумные компании по коридорам не бегали. Он жил здесь с малыми перерывами почти два месяца. Иногда казалось, что это замкнутый круг, здесь и встретит пенсию по старости через четверть века. На выходные возвращался в Москву, утром в понедельник — снова в Зеленоград, в город, являвшийся одним из крупнейших научно-производственных центров страны по созданию советской электроники и микроэлектроники...

Время неторопливо отмеряло минуты — устал поглядывать на циферблат. Натянул куртку, сунул ноги в тапки, вышел на лоджию покурить. Гостиница — так себе, но лоджия имелась, приятное дополнение к серой казенщине. Погода не баловала, ноябрь — не лучший месяц в средней полосе. Плыли тучи, мела поземка. Снег еще не лег в положенном объеме, уносился ветром, таял, когда выглядывало солнце. Но приход зимы был вопросом времени. Город Зеленоград был молод, красив. Высотные дома с нестандартной планировкой квартир, проспекты, зеленые зоны — аллеи, бульвары, скверы и парки. С восьмого этажа открывался превосходный вид. Михаил курил,

подняв воротник куртки, в сотый раз разглядывал неменяющийся пейзаж. Дома-коробки, машины, нетерпеливо гудящие у светофора. За жилыми кварталами — средоточие научной мысли и ее воплощения в жизнь: лаборатории, закрытые бюро, научно-исследовательские институты. НИИ микроэлектроники и электронной техники, точного машиностроения и технических тканей, приданные им заводы «Микрон» и «Ангстрем», НИИ физических проблем — вокруг которого почти два месяца ломались копыя...

Замерзли руки, и он бегом вернулся в номер. Покосился на телефон, имеющий выход на межгород, — и мгновенно испортилось настроение. Отношения с супругой неумолимо стремились к нулю. Бесконечные командировки только подливали масла в огонь. Настя становилась далекой, замкнутой, даже в те дни, когда он находился дома, чувств не проявляла. Смотрела меланхолично, с прохладцей. Супруги отдалялись друг от друга, но, видит бог, он этого не хотел! Стала задерживаться на работе, появились знакомства, не вызывающие у Кольцова никакой симпатии. В выходные куда-то уходила, уверяла, что в музеи или на выставки современного искусства (Хрущева на них нет), иногда приносила цветы — сначала смущалась, потом перестала. Просто прима-балерина какая-то. Пыталась убедить, что ничего «криминального», просто у нее обходительные друзья и коллеги. Похоже, появился новый (рискованный)

вид спорта — ухаживать за женщиной, муж которой работает в КГБ. Валюша все чувствовала, жалобно вздыхала, иногда хватала Кольцова за руку, подводила к Насте, просила: возьми маму за руку. Сердце при этом сжималось, Настя отводила глаза. Два месяца назад ребенок пошел первый раз в первый класс. Не сказать, что понравилось, но втянулась, недавно приняли в октябрюта. У Михаила совершенно не было времени заниматься ребенком! Из школы Валюшу забирала теща, она же кормила, контролировала выполнение домашних заданий. С Кольцовым не ссорилась, вела себя прилично, при встрече опускала глаза — словно знала что-то такое, что ему знать не положено...

Часовая и минутная стрелки сомкнулись на отметке «12». Концерт по заявкам «В рабочий полдень», скорее всего, отменили. Рождалось ощущение, что сегодня отменяют вообще все мероприятия и будет звучать лишь музыка Шопена и Чайковского. Прошло еще немного времени, сработала рация на тумбочке. Кольцов схватил ее, удержал клавишу.

— Говори.

— Работаем, товарищ майор, — отчитался Вадим Москвин, самый юный и не желающий взростеть член группы. — Просим прощения, что долго не включались, просто нечего было сообщать.

— Как обстановка?

— Как в анекдоте, товарищ майор. Идет по городу пессимист, а за ним два оптимиста в штат-

ском. — Москвин смущенно кашлянул. — Костик ударно потрудились полдня, а теперь направляется на обед домой. Повезло парню, живет рядом с институтом на проспекте Молодежи — там буквально два шага. Хорошая экономия для семейного бюджета. Не хотели брать его при всех, чтобы не будоражить общественность. Возьмем дома.

— Да, пусть поест. Ждите у подъезда, скоро буду.

Машина стояла рядом с домом — сравнительно новые «Жигули» третьей модели. Транспорт выделил хозяйственный отдел Шестого управления — в бессрочное пользование. Собственным автомобилем Михаил не обзавелся, да и не было смысла: служебный транспорт ничем не хуже. «Волгу» брать не стал, скромнее надо быть. Машина почти не ломалась, за час добегала от гостиницы до дома и обратно. Ничто не мешало жить в Москве, но Кольцов все чаще ловил себя на мысли, что не хочется. Он отвлекался от семейных неурядиц, с головой уходил в работу, не замечая, как летят дни и недели. До нужного здания он добрался за четыре минуты, провел машину по дорожке, прижал к бордюру. Дул холодный ветер. Праздношатающихся граждан было немного. Лавочки и детские площадки пустовали. Начиналась тоскливая пора. Пережить ноябрь — а там уже легче, преддверие Нового года, затем преддверие весны... Под козырьком прохлаждались трое, курили, пряча озябшие руки в карманы. Надеть перчатки что-то

мешало. Хорошо хоть, теплые кепки извлекли из домашних заглазников.

— С прибытием, Михаил Андреевич, — приветствовал командира капитан Вишневский, одетый в короткое черное пальто. Модничать этот брюнет любил, в любой ситуации смотрелся пижоном. Хорошо, что работали не по фарцовщикам, иначе к Григорию появились бы вопросы.

— Приветствую, — он с каждым присутствующим поздоровался за руку, — на месте клиент?

— На месте, товарищ майор, — кивнул обычно смешливый, а сегодня серьезный Вадик Москвин (впрочем, сегодня, в связи с известными событиями, все были серьезными). — Квартира на третьем этаже. Довели до двери — и назад, ждем. Пусть поест, чтобы в камере не кормить. Жена не работает, приготовила, поди. Он обычно в двенадцать пятьдесят из дома уходит, успевает добежать до рабочего места.

— Хорошо, — Михаил покосился на циферблат. — Стоим и курим. Пусть допивает свой компот.

— Милосердный вы, Михаил Андреевич, — усмехнулся Григорий. — Но все так, приговоренных к смерти тоже плотным завтраком кормят. Казалось бы, зачем? Даже переварить не успевают...

— По телику уже передали, Михаил Андреевич? — Третий член команды, Алексей Швец, крепко с маловыразительным лицом, сурово

ДЕЛО БЕГЛЕЦА

смотрел из-под бровей. Не имело смысла спрашивать, что он имеет в виду.

— Передали, — кивнул Кольцов. — Кириллов выступил.

Возникла неловкая пауза. Мужчины курили, прятали глаза.

— Что же будет теперь? — пробормотал Москвин. — Не было еще такого на моей памяти, внезапно всё, непривычно... Печально, конечно, — спохватился сотрудник КГБ.

— Прорвемся, — уверил Кольцов. — Пятнадцатого похороны, а потом... в общем, жизнь продолжится, нормально все будет.

«Нет незаменимых», — хотел добавить он, но прикусил язык. Все свои, но лучше помолчать. Насчет незаменимых Иосиф Виссарионович сказал — и был, безусловно, прав. Личность в истории имеет значение, но не такое, чтобы рушились основы и все летело к черту. Три десятилетия назад, когда скончался Сталин, все было куда драматичнее. Народ скорбел, люди теряли ориентиры, не знали, как жить. Смерть генералиссимуса воспринималась как личная трагедия. Но справились, впоследствии населению даже намекнули, что в чем-то отец народов был не прав. Сейчас всё проще. Заслуги усопшего скромны. Из обычного человека сделали божницу. Все его видели — больного, шамкающего, гремящего орденами и медалями, исполненного тщеславия и соб-

ственной значимости. Сталин — фигура неоднозначная, но над ним, сидя на кухне, не смеялись, анекдоты не рассказывали. «Маршал Жуков перед штурмом Берлина докладывает Сталину план операции. Сталин: “Позовите полковника Брежнева, я должен с ним посоветоваться”».

— Ладно, хватит сопли морозить, — проворчал Кольцов и первым вошел в подъезд.

Поднялись пешком, фигурант проживал за дверью, обитой новым дерматином. Михаил позвонил — в квартире раздался мелодичный перезвон. «Дорогая, не вставай, я открою!» — донесся из-за двери голос, зашлепали тапки. Дверной глазок отсутствовал — ничего удивительного, новшество коснулось еще не всех.

— Кто? — спросил мужской голос.

— Соседи, — добродушно отозвался Михаил.

Дверь отворил молодой человек лет двадцати восьми, интеллигентной наружности, в очках, в светлой водолазке и домашних трико. Он все еще что-то жевал, в правой руке держал кружку. За порогом стояли четверо с непроницаемыми лицами. «Не много ли чести? — мелькнула мысль у Кольцова. — Еще бы спецподразделение вызвали».

— Балашов Константин Евгеньевич? — вкрадчиво осведомился Михаил, переступая порог.

Фигурант машинально попятился, тень беспокойства легла на чело.

— Да, а в чем дело? — Слова пошли не в то горло, молодой человек закашлялся.

— Комитет государственной безопасности, — Михаил предъявил удостоверение, вынул кружку из дрогнувшей руки хозяина квартиры, поставил на тумбочку. — Вы задержаны, гражданин Балашов. Одевайтесь и следуйте за нами.

Лицо молодого человека стало мучнистым. Запотели стекла очков. Он стащил их с носа, стал судорожно протирать краем водлазки. Водрузил обратно, толком не протерев. Михаил терпеливо ждал, осматривался. Обычная квартира для младшего научного сотрудника. Деньги, нажитые непосильным шпионским трудом, если не дурак, куда-то запрятал.

— Почему? В чем дело? Я ничего не совершил... — Молодой человек пятился.

— Без сцен, Константин Евгеньевич, договорились? Прекрасно понимаем ваши чувства. Это непросто. Но вы же понимали, на что шли?

— Нет, я не понимаю... — Балашов был сам не свой от страха. Ноги онемели, затравленно бегали глаза. — Подождите, — вспомнил он, — я же не могу, у меня рабочий день, начальство прогул поставит...

— Он серьезно, товарищ майор? — удивился Швец.

— Нет, конечно, — улыбнувшись, сухо сказал Михаил. — Константин Евгеньевич шутит. Прогул — это последнее, что должно его беспокоить. Вы в порядке, Константин Евгеньевич? Будете собираться или вам помочь?

— Милый, что случилось? Кто эти люди? — Из дальней комнаты вышла молодая женщина, одетая в домашний трикотажный костюм.

Кольцов поморщился. Последние месяцы беременности, уже в декрете. Что не хватало дураку? Нормальная квартира, не последний город в стране, жена, ребенок, перспективы карьерного роста в динамично развивающейся отрасли. А теперь неизвестно, когда ребенок увидит отца и увидит ли вообще.

— Милая, меня забирают... — с обреченным видом пожаловался Балашов. — Любовь моя, это чудовищное недоразумение.

Ошибки не было — он знал, в глазах поблескивал тоскливый огонек.

— Что вы себе позволяете? — воскликнула девушка — и перешла на бег. — Оставьте в покое Костю! Что он вам сделал? Кто вы такие?

Вишневский остановил ее со всей присущей ему деликатностью, показал удостоверение. Девушка онемела, тоже стала бледнеть, вопросительно уставилась на мужа.

— Все, хватит. — Кольцов повысил голос. Извращенцем надо быть, чтобы получать удовольствие от подобных сцен. — Собирайтесь, гражданин Балашов. А вы, гражданка, через три часа подойдите к кабинету номер три — двенадцатое здание по улице Мира. С вами проведут беседу, и получите ответы на свои вопросы. Не забудьте паспорт.

Допрос задержанного проводили с колес — едва доставили в местное отделение комитета. Младший научный сотрудник трясся от страха, даже не скрывал своих эмоций. «Куй железо, пока горячо, майор, — сказал по телефону непосредственный начальник полковник Рылеев. — И прими поздравления по поводу первой ласточки».

Михаил с интересом разглядывал задержанного. Парень вел себя нервно, сидел как на иголках, постоянно просил воды. Каждую фразу он предварял какими-то кряхтящими звуками. Неужели пошел процесс разоблачения преступной группы? Хотелось троекратно сплюнуть и постучать по дереву. Полковник Рылеев озвучил удручающую истину: впервые взяли виновного. Попытки выявить преступников были и раньше, но все заканчивалось неудачами. Почти два месяца органы госбезопасности работали в Зеленоградском институте физических проблем. Учреждение имело большое значение для оборонной промышленности. В нем проводились общенаучные и прикладные исследования, опытно-конструкторские работы, формировались основы элементов электронной техники. В институте разрабатывались эргодонезависимые запоминающие устройства — в том числе для военной техники. Направление работ впечатляло — ЗУ, приборы с зарядовой связью, эффективные светодиоды, сложные интегральные схемы, жидкокристаллические экраны и индикаторы — совершенно но-

вое и перспективное направление. Вооружению и военной технике уделялось повышенное внимание. Конструировались и испытывались вычислители: для боевых машин пехоты, системы активной защиты танков, зенитно-ракетных комплексов, корабельных батарей. В институте создавались электронно-вычислительные машины: для пунктов разведки и управления огнем, корабельных зенитных комплексов «Палаш» и «Кортик», оптико-электронных прицельных станций, РЛС управления артиллерийским огнем. Ученые корпели над бортовой аппаратурой ракетных комплексов и огнеметных систем, электронной начинкой космического корабля «Союз», истребителей и бомбардировщиков КБ «Сухой». Переоценить значение этой работы было невозможно. Трудились лучшие умы страны, предлагались оригинальные и нестандартные решения — ученая мысль не знала преград. Многие разработки не имели аналогов в мире. И вот в этом передовом заведении — «паровозе» научно-технического прогресса — обосновались лазутчики. Передавалась на Запад информация — да в таком количестве, что практически нивелировалась работа огромного коллектива...

Копали скрытно, без огласки — важные разработки требуют тишины. Отсеивали сотрудников, влезали в какие-то дебри науки. Григорий Вишневецкий смеялся: еще немного, и можно научную

работу писать — по цилиндрическим магнитным доменам и материалам со сверхпроводимостью!

Научно-техническая информация сливалась масштабно. Это подтверждали резиденты ПГУ в капиталистических странах. В западную экономику уже внедрялись советские разработки — светодиоды, интегральные схемы, современные полимеры. При этом в Союзе внедрение буксовало ввиду бюрократии и узости мышления. Шпионы действовали аккуратно, на рожон не лезли. Скрывать свою работу органы могли лишь до определенного предела, потом все вылезало наружу. Заинтересованные лица обо всем знали, но все равно продолжали вредить. Спецслужбы Запада платили щедро, пользовались жадностью завербованных граждан. В какой-то момент тайное стало явным. Погиб при загадочных обстоятельствах заведующий лабораторией криоэлектронных интегральных схем кандидат технических наук Пушнов. Ехал на дачу, разогнался, и на высокой скорости вдруг отказало рулевое управление, машина врезалась в дерево. Вместе с Пушновым погибла жена, а десятилетний сын, сидевший сзади, чудом не пострадал. Эксперты дали заключение — над рулевой колонкой потрудился специалист. Качество советских автомобилей — тема для анекдотов, но руль заклинивает крайне редко. Видимо, Пушнов много знал и представлял для врагов опасность. В последнее время он вел себя странно — запирался дома в кабинете, грубил родным и близким.

Ничего интересного при обыске не нашли. По горячим следам взяли его зама Лактионова — эти двое тесно контактировали. Кольцов возражал против скоропалительных решений, но местные товарищи настаивали на аресте и выбили санкцию у московского руководства. Проверка показала: Лактионов чист, человека выпустили, но биографию подпортили. Ушла жена. Талантливый инженер уволился из НИИФП, где курировал несколько ответственных проектов, уехал в Сибирь. Попутно следили за сотрудниками западных диппредставительств. Это было неблагодарным делом — не хватало людей. Все изменилось, когда в пригородной электричке засекли сотрудника американского посольства Алана Робинсона. Он сошел не где-нибудь, а в Зеленограде!

Сотрудник 7-го Управления, осуществлявший слежку, возбужденно докладывал: Робинсон сошел на перрон, ходит по торговым рядам на местном рынке, приценивается к картошке. Потом быстро договорился с местным частником: его авто стояло на краю рынка. Гражданин незаконно занимался частным извозом. Робинсон сел в машину и уехал. Сотрудник преследовал его на УАЗе из местного АТП — ничего другого на рынке не нашлось, а водитель покупал капусту. Под угрозой немедленной отправки в Магадан этот парень сделал все как надо. Робинсон вышел у сквера на окраине города, где еще не снесли барачные постройки первых строителей. Робинсон